

Автор этой небольшой, но весьма содержательной книги Роберт Браунинг — профессор классической филологии и древней истории в Birkbeck College Лондонского университета. Целью его работы является общий обзор развития греческого языка, начиная от образования *койне* эллинистической эпохи и кончая разговорным и письменным греческим языком наших дней в обеих его разновидностях: *димотики* и *катаревуса*. Особое внимание автор обращает на историю греческого языка в средние века, в византийскую эпоху и в период турецкого владычества («турократии»). Останавливается он также на вопросах, встающих перед теми, кто стремится способствовать образованию единого общенародного греческого языка и устранению существующего в настоящее время в грекоязычных странах и областях так называемого двуязычия («диглоссии»). Книга Р. Браунинга содержит: Предисловие, главы: 1. Введение; 2. Греческий язык в эллинистическом мире и в Римской империи; 3. Греческий язык в раннем средневековье (VI в. — 1100 г.); 4. Греческий язык в позднем средневековье (1100—1453 гг.); 5. Греческий язык в период турецкого владычества; 6. Развитие национального языка; 7. Дialeкты современного греческого языка и приложения — библиография, глоссарий, указатель, схематическая карта грекоязычных областей Средиземноморья. В этой книге в весьма сжатой форме излагаются все основные вопросы истории и диалектологии греческого языка за 2300 лет во всех доступных исследованию его формах. Книга предназначена для тех, кто интересуется греческим языком и занимается им в той или иной мере. Она является хорошим учебным пособием для студентов-эллинистов и неоэллинистов, особенно если учесть, что до сих пор, ни на одном европейском языке не было издано такого обобщающего пособия по истории послеклассического, средневекового и новогреческого языка.

Автор очень объективно характеризует современное состояние «языковой проблемы» в Греции как до переворота 21 апреля 1967 г., так и после него, правильно отмечая, что классификация разновидностей современного греческого языка, установленная проф. А. Мирамбелем, излишне детализована (стр. 112—114) и пять установленных А. Мирамбелем разновидностей («очищенная», «смешанная», «разговорная», «естественно-народная» — *димотики*, «искусственно-народная» — *малльери*) сводятся фактически к двум полярным, со всякого рода переходами между ними: *катаревуса* и *димотика*.

В главе о современных греческих диалектах автор должен признать отсутствие у него каких-либо определенных сведений о греческих диалектах на территории Советского Союза (стр. 132): «Автору этих строк неясно, в какой мере еще существуют понтийский диалект Ростовской области и очень странный мариупольский диалект. Советская перепись населения 1959 г. отмечает 309 300 человек греческой «национальности», но это не означает, что они непременно говорят на греческом языке, как на своем первом или втором языке». По этому вопросу мы можем сослаться на свою статью в «Ученых записках Ленинградского гос. университета», где имеются также библиографические указания¹. Здесь можно попутно заметить, что уже проф. М. В. Сергиевский, на которого ссылается автор аннотируемой книги (стр. 146), давал описательное название диалектам новогреческого языка, представленным на территории УССР, не утверждая этим названием их единства, но противопоставляя их понтийскому диалекту Краснодарского края и Кавказа. Самым неудачным названием для «непонтийских» греческих диалектов Украины было, конечно, «мариупольский диалект», потому что греки — выходцы из Крыма, живущие и жившие в г. Жданове (до 1948 г. — Мариуполь) Донецкой области УССР, говорили не на крымско-греческом или — по самоназванию — румейском диалекте, а на крымско-татарском. Мы полагаем, что эту совокупность различных (а различными они были еще в Крыму до 1779—1783 гг.) говоров лучше всего объединить названием «румейские говоры».

При всем своем лаконизме и схематизме книга Р. Браунинга не лишена и чисто научного интереса для тех, кто специально занимается историей и диалектологией греческого языка, потому что автор ее — незаурядный специалист в своей области; в некоторых местах книги он не только излагает общеизвестные факты истории и диалектологии греческого языка, но и дает им свое толкование, в частности при общей характеристике рассматриваемых им периодов истории греческого языка.

Все основные положения книги хорошо иллюстрированы примерами и подкреплены ссылками на источники и научную литературу. Каждый период истории языка рассматривается как со стороны внешней (историко-политической и историко-культурной), так и со стороны внутренней (собственно лингвистической или грамматической и лексической). Так как на русском языке нет такого обзора послеклассических периодов развития греческого языка, нам представляется желательным перевести на русский язык эту полезную и в общем правильно ориентирующую читателей книгу и издать ее в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов филологических и исторических факультетов университетов.

¹ А. А. Велецкий. Греческие диалекты юго-востока Украины и проблема их языка и письменности. — УЗ Ленинградского гос. университета, № 343, Серия филологических наук, вып. 73; «Балканская филология», 1970, стр. 3—15.

Ограничимся еще только одним замечанием. В главе о современных диалектах автор не учитывает русской научной литературы (очевидно, по той или другой причине ему недоступной) о новогреческих говорах в СССР. Поэтому некоторые его утверждения, взятые лишь из одного источника, оказываются неточными. Так, например, нуждается в уточнении вывод на стр. 133: «Мариупольский греческий язык, кроме того, совершенно утратил родительный падеж и выражает принадлежность посредством конструкции, созданной по татарскому образцу, например: *spiti—t porta* (дверь дома), *tata—t tu spit* (дом его отца)»². Во-первых, наряду с названной конструкцией в румейских говорах сохраняются и собственно синтетические формы родительного падежа, как, например: [нйхтас — плий] «птица ночи, ночная птица» (—сова), где [нйхтас] — род. от [нйхта] «ночь» или [алунй пэтра] (каменный валик для молотбы), где [алунй] — род. пад. от [алон] «ток, гумно». Таким образом, наречие «совершенно» в приведенном выше утверждении следует вычеркнуть. Если конструкция [спити — т порта] принадлежит сарганскому говору, то ее следует интерпретировать несколько иначе, а именно: [спити т (у) порта], т. е. * [спити (у) то порта], где * [спити (у)] — род. от [ту спит]. Во-вторых, можно было бы утверждать, что в известной мере в румейских говорах утрачен «безместоименный» (без притяжательных суффиклируемых местоимений) именительный падеж существительных; так, например, форма [татас] «отец» воспринимается теперь говорящими на этом языке не как просто им. п. ед. ч., а как им. + суффикс второго лица ед. ч., т. е. [тата — с] «твой отец», ср. [тата — м] «мой отец», [тата — т] «его отец» [тата — ц] «ее отец» и д. т., так что прежнее «татас» в результате фонетического совпадения с [тата — с] включается в иную парадигму. Само собой разумеется, что подобные мелочи ни в коей мере не портят общего благоприятного впечатления от аннотированной нами книги.

А. А. Белецкий

BYZANTINISTISCHE BEITRÄGE HERAUSGEGEBEN VON
J. IRMSCHER, REDAKTION G. HANSEN.
Gründungstagung der Arbeitsgemeinschaft Byzantinistik
in der Sektion Mittelalter der Deutschen Historiker-Gesellschaft
vom 18. bis 21.IV.1961. in Weimar. Berlin, 1964¹.

С 18 по 21 апреля 1961 г. в Веймаре проходила конференция немецких византистов, в которой принимали участие также болгарские, румынские, чехословацкие и некоторые другие византиноведы, конференция, положившая начало рабочей группе по византистике при секции медиевистики Немецкого исторического общества. Труды этой конференции были опубликованы в Берлине в 1964 г. Входящие в «Византистические очерки» доклады охватывают широкую тематику, ставят новые вопросы или трактуют сложные проблемы византиноведения, давно возбуждающие интерес историков.

Выступавшие на конференции византилисты освещали в своих докладах в первую очередь вопросы византийской историографии², некоторые вопросы источниковедения³, византийской филологии⁴, проблемы византийского искусства⁵, религиозной

² Ссылка на М. В. Сергиевского («Мариупольские греческие говоры». — «Известия АН СССР», ООН, 1934, стр. 533—587).

¹ Издатель этого труда И. Ирмшер следующим образом разъясняет свое понимание терминов *византийский* и *византистический*, противопоставляя его представлениям некоторых других историков: «Dagenen meine ich, sollte man zwischen byzantinisch und byzantinistisch unterscheiden. . .» «bezeichnet byzantinisch das, was zu Byzanz, byzantinistisch dagegen das, was zur Byzantinistik gehört» (S. 10).

² R. Dostálová-Jeništová. Jacob Paleologus, S. 153—173; E. Stănescu. Die Anfänge der Byzantinistik und die Probleme Südosteuropas im 16. Jahrhundert, S. 373—397; H. Herz. Schiller und die Byzantinistik, S. 33—40. Выступления общего характера и историографические обзоры: E. Werner. Worte der Einführung, S. 1—7; J. Irmischer. Was heißt und zu welchem Ende studiert man Byzantinistik? S. 9—31; Schlußwort, S. 459—462; D. Angelov. Die Entwicklung der Byzantinistik in Bulgarien in den letzten fünfzehn Jahren, S. 429—441; A. Dostál. Zur Organisation der byzantinistischen Arbeit in der Tschechoslowakei, S. 443—448; J. Werner. Byzantinistik in Leipzig, S. 449—453.

³ F. Winkelmann. Die Beurteilung des Eusebius von Cäsarea und seiner Vita Constantini im griechischen Osten. Ein Beitrag zur Untersuchung der griechischen Hagiographischen Vitae Constantini, S. 91—119; B. Zástěrová. Zu den Quellen zur Geschichte Wolhyniens und der Duleben im 6. Jahrhundert, S. 231—238.

⁴ G. Ch. Hansen. Prosarhythmus bei den Kirchenhistorikern Sozomenos und Sokrates (Resime), S. 139; V. Beševliev. Die Volkssprachlichen Elemente in den Redepartien bei Theophanes und in den Akklamationen bei Konstantin Porphyrogenetes, S. 141—151; D. Hadzis. Was bedeutet «Monodie» in der byzantinischen Literatur? S. 177—185.

⁵ L. Richter. Fragen der spätgriechisch-byzantinischen Musiktheorie, S. 187—230; P. H. Feist. Byzanz und die figurale Kunst der Merowingerzeit, S. 399—411; K. Onasch. Zum Problem der Ästhetik in der altrussischen Ikonenmalerei. S. 413—427.